

ВОРОНЪ

№ 1.

цѣна 10 коп.

СКАЗКА.

За тридцать земель, в тридцатом царствѣ, не в нашем государствѣ, жил был царь.

Царь был добрый, но, как всегда полагается, совѣтники всѣ у него были недобрые, своекорыстные, властолюбивые.

Они постоянно враждовали друг с другом, добивались все большей власти, угодили чина перед взрѣм, восхваляли его мудрость, справедливость, всѣх его распоряженій, превозносили его славу.

А сами потихоньку обдѣлывали свои землія и крупными дѣянками и забрали всю власть над страной.

Народ изнывал под властью вельмож-бояр, но поддѣвать с ними ничего не мог.

И рѣшил народ свергнуть их. Он догадывался, что царь не знает ничего совѣтамъ об их злостномъ жить-бытьѣ; он был уверен, что если бы царь узнал про их хитрости, он немедленно бы удовлетворил их.

И послал народ прошенія царю, да злые вораги народные, вельможи-бояре, перехватываютъ эти прошенія.

И послал народ своихъ выборовныхъ царю, чтобы легко доложить ему о своихъ худобахъ. А злые вораги народные, вельможи-бояре, поняли, что если до царя дойдетъ правда, то не одобровать имъ.

А поняв это, они рѣшили дѣйствовать.

Донесли они царю, что народ идет к нему с злымъ намѣреніемъ, да лишитъ-де тебя, царя-батюшку, твоей власти государственной, поддѣвить межъ собой землю пороку. Ты же вѣрде имъ, твоимъ ворагамъ, а позирь ты намъ, вѣрнымъ подданнымъ.

Испугался царь, не вѣсть никого допустить к нему, а вельможи пусть сами переговорятъ с народомъ.

Вельможи поусердствовали и приняли посланных от народа с честью, с салютомъ из ружей.

Отъ лжачего доклада царю жизнь нѣсколькихъ тысячъ подданныхъ его сразу изменилась к лучшему: перестали они голодать и холодать, бросили свои жалкія лачуги и поселились там, идѣ же вѣсть болѣзней, печалей, ни поддѣханий.

Но жизнь другихъ ничуть ни улучшилась, только новья теперь народ, что ничего не добьется ни просьбами.

И подвѣсяи он, как одинъ человекъ, не с пустыми руками теперь, а с дреколемъ и оружіемъ. Хотѣ и тѣмъ был народ в томъ царствѣ, да спасибо добрымъ людямъ научили они его уму-разуму, разъяснили ему, что вельможи обязаны дать ему возможность жить лучше, не умирать с голоду, да с холоду, безъ болѣзней, безъ докторовъ, быть тѣмъ же, безпачнымъ быдломъ.

Разъяснила ему, что тогда только народ будетъ жить хорошо, когда не вельможи одинъ, его злые вораги, будутъ управлять имъ, обирать его, а самъ народ со своими царемъ-батюшкой будетъ изнывать законами для себя, облагать податями.

И поднялся народъ.

Испугались вельможи, бояре знатные. Не хочется имъ лишиться своей могучей власти, не хочется расставаться с насильственными мѣстами да богатными окладами.

И внушили они царю-батюшкѣ, что это все бунтуетъ небольшая кучка, а не весь народ; что народъ идетъ только во похуу тѣхъ бунтарей; что бунтарей тѣхъ ничѣмъ неудовлетвориши. Вотъ только бы расправиться с этими звитчурями, тогда и весь народ успокоится: правда, народу мало земли, вотъ он и недоволенъ, но это ничего.

— Не жаль казнить, если слово исполнить,—говоритъ одинъ изъ бояр его.—Одну землей ты народъ жестишь: у тебя вѣдь есть много лѣсу, болотъ; а да землю вольны ты выкупить небольшую, да разсрѣчь ты его на сто двадцать лѣт. И народъ тогда будетъ преданъ тебѣ, не послушаетъ онъ твоихъ вораговъ, перебьетъ онъ самъ бунтарей лихихъ, и встанетъ у насъ снова тишь да гладь!

Послушалъ царь умнаго, во хитраго совѣта: рѣшилъ надѣлать народъ изъ своихъ государственныхъ многочисленныхъ

извѣстій; правда, не задаромъ, а за крупную сумму, большую стоимость земли, но только с разсрѣчкой на сто двадцать лѣт.

Но удивительно упрямъ и глупъ оказался народъ в томъ царствѣ: онъ ничуть не успокоился, не перебавъ бунтарей, а продолжалъ все требовать сверженія вельмож-бояр и просилъ власти вѣстѣ с царемъ.

Вотъ какъ было за тридцать земель, в тридесатомъ царствѣ, не в нашемъ государствѣ.

Бойба.

Скорѣй.

Терпѣнья не стало! И русский народъ
Не хочетъ нести безудельно
Цѣлей ненавистнаго рабства, неваголь,—
И вотъ онъ встаетъ поголоно.

Встаетъ для защиты дѣтей своихъ, женъ,
Въ защиту свободы желанной,—
И пусть казаками вѣдѣ окруженъ,
Онъ битися готовъ неустанно...

—Теперь, что ни день, намъ газеты несутъ
Упасыныя грустныя вѣсти:
Драгины, пашаны пощады не дають,
Исполнены яростнои мести.

По селамъ ишищють... всѣхъ давить нужда...
Фабричный безъ средствъ останется,
Въ такое горѣчее время, когда
За жизнь и свободу онъ бьется.

Товарищи!.. Помощь, поддержка нужна,
Тамъ голодь, тамъ терпѣть невзгоду,—
Не будемъ же сныпуть... скорѣе должны
Помочь мы родному народу!..

— Слушай, разъ ты обѣщавъ сдѣлать для меня что-нибудь, да неправда-ли, ты обязанъ исполнить свое обѣщаніе?

— Ну, теперь, другъ мой, не такъ обѣщать-то я тебѣ и пообѣщаю, если ты пристанешь, как с ножомъ к-горлу, а немного ты успокоишься отъ этого обѣщанія, обѣщаніе-то можно и назадъ взять.

НАШЕМУ ЖУРНАЛИСТУ.

Гапон в Россію возвратился!
Хватите, милые, его!
Хоть он сильно измучился,
Узнать не стоит ничего.

Из смуглой панки небольшая,
Доха прекрасная на все,
Бередила малая-тишка,
Свернула острый взгляд огнем*.

С тизки прайдом обратился
Сувория къ сѣти, и за-то
Тотчас же он преобразился
В песочно-желтое вальто.

Лохматый.

— Что вы думаете о временных правилах от 24 ноября?

— Думаю, что они опять рѣшили надолжить на печать печать молчанія.

Мы.

Изъ хрестоматіи.

Русскія долины
Вѣс горятъ въ огнѣ;
Бѣдныя деревни
Дремлютъ въ тяжкомъ снѣ...
Мрачно въ нихъ, убого...
Мертвцы... Кресты...
Подожди немного:
Встанешь, Русь, и ты.

Мы.

— Ну, мужичек, тебѣ теперь печалиться нечего: манифестомъ выкупные платежи отменены.

— Слава тебѣ, Господи! Землянамъ бы еще вот!

— И земля будет. Купятъ или банкъ землю, а деньги за нее вы будете вносить в течение пятидесяти-шестидесяти лѣтъ и банкъ.

— Что-то не пошла у тебя: ты говоришь— выкупные платежи отменены то за землю опять придется платить выкупные. Чепуха какая-то!

Я.

МАЛЕНЬКІЯ ПИСЬМА.

Не понимаю, чего только волнуются эти наши, просите за выраженіе, революціонерскій вѣщакъ, перевернуть вверх дном все государство хотятъ. Лѣзут на штыки, подставляютъ свои упрямые башки под пушки, взрываютъ, ружья. Вот, по истинѣ, упрямство, достойное лучшей доли.

Да из-за чего главнымъ образомъ они, эти революціонеры, волнуются, из-за чего лѣзутъ на штыки? Ну, предположимъ, тебѣ смѣрною житей и рабочими ты двадцать лѣтъ часов в сутки, и за это нѣсколько продолжительный трудъ получены гроши, и правовое твое положеніе отчасти неудовлетворительно. Хорошо, начальство это видитъ и съ удовольствіемъ придетъ тебѣ на помощь: и полчаса или даже цѣлый час сброситъ в работѣ, и процента два накинетъ на заработную плату, и пообѣщаетъ улучшить твое правовое положеніе.

Только зачѣмъ же волнуетесь? Революціонеры говорятъ, что только всенародно, забастовками они выпрѣдятъ нѣкоторые улучшения, нѣкоторые обшьяки. Смотрите пожалуйста, какіе силыцы выскочили!

Врете вы, господа революціонеры, не вырвали вы у начальства ничего, а все «даровано» было имъ. А потомъ, какіе эти революціонерскіе интересныя! Не могли потерять еще немого, и все было бы даровано имъ безо всякихъ забастовокъ, волненій. Обо всѣхъ ихъ нуждахъ само начальство давно уже позаботилось: походу были организованы всевозможныя комитеты для разработкы новыхъ правъ.

Возмите хотя бы же экономическія требованія Ростовскаго полка: всѣ они были преданы начальствомъ; оно такъ

чутко прислушивалась в нужамъ солдатъ и такъ зорко слѣдило за ихъ бытомъ, что само заранѣе заработало въ всѣхъ экономическія требованія, какія могли только предъявлять солдаты. И что же? всѣ ихъ требованія были удовлетворены; улучшения были бы произведены и так, со временемъ только, а солдаты не подождли и взбунтовались. И этимъ оскорбили только командующаго полкомъ. Развѣ начальство не печется о своихъ подчиненныхъ? вѣдь всегда начальство оказываетъ милости.

И вроду такъ. О чемъ только заботится народъ, все сейчасъ же дается ему или обшьяется. А потому что все это уже заранѣе было предусмотрено начальствомъ. Забастовки почто-телеграфныя служанье—оказываются, начальство уже рѣшило улучшить ихъ положеніе. Требуя государственной думы съ правами законодательными и со всеобщимъ государственнымъ—оказываются, об этомъ уже давно поднятъ вопросъ самимъ правительствомъ.

Зачѣмъ же тогда забастовки? Они потрясаютъ государственныя органы, а безъ забастовокъ взаимство и такъ даровано бы своимъ милости. Только слѣдовало бы подождать нѣсколько... ну, такъ, два-три поколѣнія. Не больше.

П. О. Д. Суворинъ.

Настоящая самодержавія у насъ давно уже нѣтъ, потому что еще императоръ Николай I истинныя самодержавія Россіи называлъ разными дш minore.

Я.

Рыцарь безъ страха и упрека

Симъ побѣдиши!!!

Бѣгство за границу бюрократовъ
съ російскими капиталами.

— Эй, иллые, перепрыгивайте скорѣй, а покляху-то задержать прадется!..

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Берлин, 9 (22) декабря. Сегодня прибылъ вагонъ съ очень цѣннымъ имуществомъ, спасеннымъ отъ грандіознаго пожара, охватившаго всю Россію. Вагонъ этотъ не первый и далеко не послѣдній. Шлите побольше — мы сбережемъ.

ПО ТЕЛЕФОНУ.

Изъ вѣдомъ достоверныхъ источниковъ передаютъ, что генерал-майоръ Дедюлинъ оказался, по освидѣтельствуванію, законнымъ сыномъ и правопреемникомъ Трепова по своей дѣятельности: онъ такъ же, какъ и недоброй памяти авторъ извѣстнаго изреченія: „Петроновъ не жалеть“, принимаетъ самую строгую мѣру противъ публичныхъ собраний и митинговъ. *(Собеса. кор.)*

Что ты спиши, мушкетер?

Ужъ проснуться пора:

Вѣдь, всѣ братья твои

Поднялись давно.

Встань, очнись, распрямись,

Да вокругъ погляди:

На кого ты ложишь

И что есть у тебѣ?

Нѣтъ земли ничего

На всю семью твою

И хозяйство твое

Пошатнулось давно.

Короченьку за долгъ

Къ себѣ баринъ увелъ,

И дѣтяшкамъ своимъ

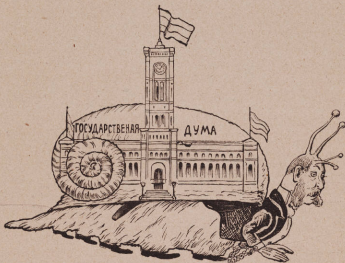
Молока ужъ не далъ.

Лошадь самъ ты продалъ,

Ухватить чтобъ оброкъ;

Какъ же будешь теперь

Ты работать безъ ней?

ПОСЛОВИЦЫ.

1. Кто пороть гораздъ, тому не пронаеть.
2. С нагайки начинай, штыкомъ кончай.
3. Безъ нагайки ни до порога, а с нагайкой хоть крестьянъ усюкаивать.
4. У двухъ правительствъ народъ безъ глазъ.
5. Вѣдь под нагайкой ходимъ.
6. Кто Бога не боится, тотъ и въ своихъ братьевъ стѣсняется.
7. Богъ на небѣ, флигель-адъютантъ на землѣ.
8. Хозяинъ труды любитъ.
9. Свобода — жать пороковъ.
10. Свободное слово до тюрьмы доведетъ.

Осоломъ онъ болбы.

А спивенникъ твердитъ:

«Это Богъ наказалъ!»

Но послѣдній, вѣдь, грѣш

С тебѣ самъ онъ забралъ.

Приимаетъ тебя

Добрый земской-отецъ,

И совѣтъ ты въ рукахъ

Мушкетера-кулака.

Сыночекъ же твоихъ

Обучаютъ стѣснять,

Чтобъ тебя же потомъ

Было кѣмъ усмирять.

Ну, встань же, мужикъ!

Проснитесь пора,

Сдернуть лезвю съ глазъ

И ожить всѣмъ заран!

Будетъ гнуться въ дугу!

Требуй воли себѣ!

И земли и вѣхъ правъ!

Покажись-ка прагу!

Версификаторъ.

На лужайкѣ.

Село Голодное расположено двумя порядками, скользящими под углом. В этом углу была большая, окруженная рявками, лужайка. Здѣсь, на лужайкѣ, не было сосѣдских домов; как будто лужайка была специально предназначена для игр.

И действительно, лѣтом, лишь только кончался тяжелый трудовой день, лужайка оживалась смѣхом и весельем.

Едва успѣв перехватить дома кусок хлѣба или поца шей с кашей, парни и дѣвки собирались на лужайкѣ, вѣли лѣсни, водили хороходы.

Смѣх и лѣсни не прекращались тут далеко за полночь, чуть ли не до солнечного восхода, когда проснувшіе всю ночь парни и дѣвки должны были снова приниматься за обычную работу, не отдохнув почти совсѣм.

Но от этого веселье на лужайкѣ ничуть не теряло своего характера.

Сколько пар сблизился, сговорился на этой лужайкѣ и потом с любовью вспоминали про нее, шествуя дружно вдвоем по трудному жизненному пути.

И днем не бывала свободна лужайка.

Только публика на ней была другая: дѣти всѣх возрастов цѣлый день до вечера наполняли ее своими играми, играми и обтѣгой.

И никто не запрещал им играть на лужайкѣ, никто не вмешивался в их игры.

Так тихо и мирно жила лужайка...

...У крестьян села, прилегавашаго к лужайкѣ, вѣщо недоразумѣніе с крестным помѣщиком. Недоразумѣніе-то из-за земли и недоразумѣніе довольно крупное.

Помѣщик был тоже довольно крупный, вліятельный, и в результатѣ на лужайкѣ стояли два взвода казаков.

Примо против казаков были выстроены крестьянне забунтовавшаго села. Между казаками и крестьянами дрожали мѣстная власть и мѣстный диктатор-генерал. За деревнями испуганная лиха баб и дѣвушек.

— Семен Иванов! — выкрикивал по списку урядник.

Семен Иванов выходил, кланялся начальству, спускал невыразимая и получал должное.

— Игнат Зайцев! — выкрикивал урядник.

Игнат Зайцев выходил, кланялся начальству, спускал невыразимая и получал должное.

— Петр Лаптев! — выкрикивал урядник.

Петр Лаптев, пятидесяти сѣмью лѣтъ старик, выходил, кланялся начальству, спускал невыразимая и получал должное.

А бабы, дѣвки, ребята со страхом и ужасом смотрѣли, как порали их отцов, дѣдов, сыновей, братьев. И горьки слезы струились по их лицам...

...Указали казаки, ухлал диктатор, ухлало начальство...

...Через недѣлю-двѣ днями опять вошла в свою обычную колею. Трудными цѣлыми днями, гололодали, холодади. Ничего не измѣнилось в жизни крестьян.

Измѣнились только лужайка: нѣтъ на ней смѣха, веселья взрослой молодежи по вечерам.

Дѣти боятся и заглядывают на нее, а молодежи, когда приходится проходить по лужайкѣ, плывет и крестится, ускоряя шаги.

Только ракеты печально покачивают своими вѣтвями;

Проклята лужайка!

Да еще у мужиков лица сдѣлались задумчивые, хмурые.

Третья.

— Неужели и теперь не будет дано земли крестьянам?

— А что?

— Да разлѣ вы не слышите, как кричат о ней крестьяне Саратовской, Тамбовской и Черниговской губерній? Неужели и эти крики не будут услышаны?

Мм.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Среди всеобщаго смѣтенія,
Бражды, безправія и смуты
Грѣшно таить души волненья,
Терпѣть несправедливый суд.

Довольно крови и насилья!
Отбѣлся в траур весь страна
И онустила робко крылья,
Недоузнаня полна...

По близок час... Пылая мщеньем,
Как лѣта, кипитъ она,
И все смететъ с ожесточеньем
Ея могучая волна...

Пусть будет так! Не будь печален,
Поляръ великим именем,
Что на камняхъ святыхъ развалин
Народъ воздвигнетъ лучшій храм...

И звима воздвигнетъ свободы,
Какъ символъ правды вашихъ дней,
Среди ликующей природы
Освобожденный Прометей!

- А Дурново-то, говорят,
Не брезгаетъ и малыми кушами?
- Ну, Александръ Степановичъ, вѣдь, его
Прекрасно кормятъ кукишами.

Брзла.

— Какъ можно сдѣлать примы и инсидію и не понасть за это на смѣльи негодимцы?

— Это можно сдѣлать косвеннымъ путемъ — завѣсть вовсеуслышаніе, что, если будутъ произведены наслѣдствіе, ты не будешь в состояніи оказать своевременное содѣйствіе къ водворенію порядка.

— Ты-то что это выдумалъ цѣля в добровольцы на почту?

— Да надо потрудиться на пользу отечества, а то не кому развонить подметниа письма нашей черной сотни.

Сам.

Микула Селяховичъ

трохулся!!!

У каждого крестьянина
Душа, что тута темная:
Съгни, гроша... и надо-бы—

Грошамъ грѣшить отрудно,
Кровавымъ лнть дожднть...
(Некрасовъ).

1881
№ 10
18